

Мария Майофис

Разбитые позвонки столетия: любительские мемуары 1970 года об идиллическом детстве 1920-х годов

Broken Vertebrae of the Century: Amateur Memoirs of the year 1970 about the Idyllic Childhood of the 1920s

This article serves as an analytic foreword to the publication of the memoirs of the author's grandfather, Boris Vulfovitch Bronner (1916-1991), a telecommunications engineer, who after having suffered from a severe spinal injury, devoted several months of immobility to the creation of a series of sketches about his childhood. Although these memoirs belong to the field of amateur literature, they can throw some new light on the social and cultural processes typical of the USSR in the 1960s. The chronotope of the memoirs is definitely idyllic: there is no mention of the future repressions that affected some of the protagonists in the 1930s. This turn to the idyll of childhood can be regarded as the late echo of the same developments that took place in the Soviet literature of the late 1950s and 1960s and, widely speaking, in the deep concern in the autobiographical narrative of childhood which became a means of 'treating' the traumas of both the Great Terror and its denunciation in 1956.

1

Задача, которую мне предстоит решить в этой публикации, следует назвать не просто сложной, но в методологическом смысле неразрешимой и сомнительной.

Публикуя здесь мемуары своего деда, Бориса Вульфовича Броннера (1916–1991), человека, чей авторитет был для меня непрекращаемым, я вступаю на тернистый и, возможно, даже ошибочный путь.

Многие потомки занимаются публикацией трудов своих

предков – и художественных, и научных, и мемуарных, и лично-биографических (дневники, письма). В этом нет ничего новаторского и удивительного. Многие снабжают их своими комментариями и предисловием – иногда пользуясь первенством правообладателя, иногда действительно располагая уникальной биографической информацией и достаточной для составления комментария компетенцией.

Я давно хотела напечатать где-нибудь дедушкины мемуары. За почти двадцать лет, кото-

рые прошли с того момента, как я нашла в бабушкином архиве рукопись, перенесла ее в компьютер и составила минимальный комментарий, казалось, не было ни возможности, ни подходящего контекста, для того чтобы придать гласности этот цикл очерков. Небольшие по объему, они не представляют особой ценности ни как литературный, ни как исторический источник. Звучание живого голоса близкого и важного для меня человека вряд ли было достаточным основанием для того, чтобы предъявлять их “граду и миру”. Только перейдя в начале 2010-х к занятиям историей советского XX века, прочитав десятки произведений советской литературы конца 1950-х годов и особенно выходявшие во второй половине 1950-х – 1960-е автобиографические произведения о детстве, я поняла, что документы, отложившиеся в семейном архиве, и нарративы и отдельные факты, хранящиеся в семейной памяти, дают мне возможность совершить аналитическое усилие, которое, по видимому, не было бы доступно ни одному стороннему исследователю.

Я хочу попробовать поговорить о том, каковы были явные и скрытые пружины, за-

ставившие моего деда взяться в 1970 году за мемуары, почему он выбрал для них такой ракурс и такую форму, что он хотел – прямо и косвенно – рассказать своим младшим современникам, какими значениями и какой ценностью он наделял собственное детство 1920-х годов, о чем был готов, а о чем предпочитал не говорить в своих воспоминаниях. Наконец, попробовать порассуждать и о том, почему он бросил работу над рукописью, завершив всего лишь пятый очерк своего мемуарного цикла.

Я отчетливо сознаю, насколько высокой должна быть степень отстранения, абстрагирования от материала, – может ли достичь ее человек, у которого и с автором, и с его повествованием связано так много личных переживаний? Насколько ‘стерильной’ окажется в этом случае моя исследовательская техника?

Несмотря на все ‘минусы’, которые влечет за собой позиция семейной вовлеченности, она предоставляет, на мой взгляд, и некоторые ‘плюсы’. Во-первых, это уже упомянутая возможность пользоваться документами и сведениями, сохранившимися только в семейных альбомах, папках, конвертах. Во-вторых, важное,

хотя и безусловное, чувство 'верности', соответствия собственной интерпретации тому живому облику своего героя-родственника, который сохранился в памяти: если этого чувства не возникает, значит, в рассуждениях выбран неточный и неправильный путь. Наконец, стоит признаться и в том, то интерес к собственной семейной истории как к серии загадок, позволяющих понять многое в себе самом (самой) – очень мощная движущая сила любого исторического исследования.

В последние годы появилось несколько исторических публикаций, позволяющих точнее верифицировать и полнее интерпретировать написанные Б.В. Броннером воспоминания, которые он писал, не пользуясь никакими дополнительными источниками и полагаясь только на собственную память. Основываясь на давно утвердившейся в исследованиях автобиографий интерпретационной модели, я попытаюсь, с помощью данных этих старых и новых источников, не ограничиваться дотошными указаниями на нестыковки и несовпадения, а посмотреть, в какой логике, в какой модальности преобразуется в повествовании биографический факт и какими

способами создается в нем ощущение реальности переживаемого события (Ross 1991).

Иными словами, если для исследователя автобиографических нарративов последних тридцати лет требование доверия к источнику усложняет аналитическую процедуру и влечет за собой перенастройку критического аппарата, то в моем случае доверие выступает в качестве базовой характеристики моего личного отношения к автору и порожденным им текстам. Мне заведомо важнее не зафиксировать "что не так?", но найти объяснение "почему именно так".

2

Начну с короткой биографической справки об авторе текста. Борис Вульфович Броннер родился 9 декабря (по нов. ст.) 1916 года в Москве. О семье и детстве Бориса Вульфовича я еще расскажу подробнее ниже, а тут просто назову основные вехи его биографии: учеба в одной из престижных московских школ, поступление в Московский энергетический институт (1934), оставление его в результате конфликта с преподавателем, поступление в Инженерно-техническую академию связи им. Подбель-

ского (1935), которую в 1938 году слили с Московским учебным комбинатом связи, и окончание этого заведения (1940). На период обучения в институте пришлось арест отца Б.В. (октябрь 1937), так что распределение он получил не очень удачное и стал обыкновенным механиком на Центральном телеграфе. В октябре 1941 года он был призван в армию, служил в учебных частях под Йошкар-Олой, где готовил полевых связистов. Как пишут в биографическом очерке его бывшие коллеги, “несмотря на наличие диплома инженера, его, как сына репрессированного, не приняли в школу командного состава, и он прослужил до самой демобилизации в звании рядового: вначале механиком полка, а затем – связистом” (Цукор 2007).

В 1943 году Центральный телеграф, потерявший на фронтах многих своих сотрудников, попытался вернуть хотя бы тех, кто остался в живых: так Б.В. Броннер вернулся в Москву. И тут даже “темное пятно в биографии” не стало помехой инженерной карьере – уж слишком велик был кадровый голод. Инженер технической службы (1943), старший инже-

нер этой службы (1945)¹, начальник абонентского телеграфа (1947), начальник объединенного эксплуатационно-технического отдела (1949), заместитель начальника Центрального телеграфа (1954). В 1963 году Б.В. Броннер переходит на работу в Главное управление междугородной телефонной и телеграфной связи Министерства связи СССР, а в 1968-м становится главным инженером Главного телеграфного управления того же министерства. Для инженера-еврея эта должность была карьерным порогом, дальше которого пойти было, по видимому, уже невозможно, – Б.В. Броннер проработал на ней до 1988 года, когда ушел на пенсию и стал доцентом Института повышения квалификации работников связи (Цукор 2007).

Перед нами – любительские мемуары, написанные человеком, не имевшим гуманитарного образования и всю жизнь решавшим технические и управленческие вопросы. Человеком, безусловно, абсолютно лояльным советской системе, но бывшим – это я знаю из собственных разговоров с ним – убежденным анти-

¹ Этому карьерному рывку, скорее всего, способствовало вступление в партию весной 1945 года.

сталинистом по крайней мере с 1956 года. Однако, поскольку перед нами – воспоминания о детстве, понять специфику этого текста невозможно, не зная подробностей семейной истории Бориса Вульфовича, которой я и посвящаю несколько следующих страниц.

Отец Бориса Вульфовича – Вольф Моисеевич Броннер (1876–1939), к моменту рождения своего младшего сына (1916) прошел длинный путь обретения профессии, мировоззрения и социального статуса. Сын бедного сапожника из Улан-Удэ, в документах записанного как “крестьянин”, он уехал в подростковом возрасте в Читу, где закончил гимназию, параллельно давая частные уроки, чтобы иметь какие-то средства к существованию, а затем поступил на медицинский факультет Томского университета, откуда был исключен с последнего курса за участие в революционной деятельности. Полугодовая ссылка в Иркутск, затем отъезд в Берлин и сдача там экстерном экзаменов на врачебное звание, вступление в РСДРП, возвращение в Россию, подтверждение докторского звания в Казани, несколько лет врачебной деятельности в Верхнеудинске и Томске, участие в распростра-

нении «Искры», а затем в событиях 1905 года, поспешное бегство (от погромов и охраны) в Париж, восемь лет французской эмиграции, где В.М. работал врачом-венерологом и исследователем венерических болезней², продолжая революционную деятельность и связи с подпольем на должности секретаря эмигрантской кассы, возвращение в Россию в 1913 году в надежде на провозглашенную в связи с юбилеем дома Романовых амнистию, годовое заключение в томской одиночке, выход на свободу, легализация и переезд в 1915 году Москву, где В.М. получил место приват-доцента Московского университета и ассистента в клинике кожных и венерических болезней. В начале 1917 года В.М. Броннер стал главным врачом венерологического госпиталя³.

² Вот полный список мест его службы во Франции: “...совершенствовался в области урологии под руководством Ф. Гюйона в факультетской клинике Неккера, затем работал в Интернациональном госпитале (1911–1913); в 1910–1911 гг. совершенствовался в области биохимии и бактериологии и работал в Пастеровском институте; в 1911–1913 гг. прошел курс естественного факультета в Сорбонне” (Башкуев 2013).

³ О революционной деятельности В.М. Броннера и Е.Б. Броннер см. составленные по предоставленным ими

К этому времени В.М. уже давно женат на Елене Борисовне Броннер (урожденной Фуксман), дочери богатого томского купца, также успевшей поучиться в начале 1900-х на философском факультете Берлинского университета и принять участие в революционном движении в Сибири (семейное предание гласит, что в пору особенно активной охоты за ним охраны С.М. Киров прятался не просто в доме Елены Борисовны, но... в ее собственной спальне, за что Е.Б. получила потом, в начале 1930-х, персональную пенсию, подписанную лично Кировым). В 1904 году в семье рождается первый ребенок – дочь Вера (ум. 1997). В 1913-м, в Париже – вторая дочь, Нелли (ум. 1943). Борис Броннер стал третьим, самым младшим и, видимо, самым балованным ребенком в семье (единственный сын, по меркам того времени – очень поздний).

После октябрьской революции и переноса столицы в Москву В.М. Броннер начинает стремительное восхождение по научно-административной лестнице.

сведениям биографические статьи в изд. *Деятели революционного движения* 1931, 499-500. О его врачебной и социальной работе см.: Башкуев 2013.

С 1918 года он работает в Наркомздраве, с 1924 по 1932 гг. заведует отделом высшего образования Наркомпроса и является членом коллегии Главпрофобра (и готовит там реформу медицинского образования). В это же время он занимает посты председателя медицинской методической комиссии, члена президиума Государственного Ученого совета, заместителя председателя Ученого Медицинского совета (с 1926). С 1918 г. В.М. Броннер – ученый секретарь подсекции по борьбе с венерическими болезнями, с 1927 г. – руководитель отдела социальных болезней Наркомздрава. (Фото 1)

В 1921 году В.М. Броннер создает главное свое научное детище – Государственный венерологический институт, где в 1923 году возглавляет отдел социальной венерологии. Он был инициатором создания специализированного журнала «Венерология и дерматология» и первым его ответственным редактором (1924–1937), членом редколлегии и главой редакции отдела «Венерология» в первом издании Большой медицинской энциклопедии.

Не удивительно, что в пору взлета служебной карьеры Вольфа Моисеевича нашлось

дело и для его супруги. В апреле 1923 года Елена Борисовна Броннер становится директором санатория ЦЕКУБУ в Кисловодске (Санаторий 2012: 53).

‘Великий перелом’ вносит первую трещину в жизнь семьи. 1 марта 1929 года Елена Борисовна оставляет должность директора санатория и становится помощницей директора Института нервно-психиатрической профилактики (Санаторий 2012: 36) – формально ее отставка совершилась по собственному желанию, однако можно предположить, что в дело вмешались причины политического характера.

В начале 1930-х и В.М. Броннер впервые оказывается на подозрении. В середине 1931 года президиум общества врачей марксистов-ленинцев при Комкадемии создал бригаду, которой было поручено выявить ошибочные установки в теории советской венерологии. После ‘великого перелома’ говорить о ‘наследии царизма’ и ‘буржуазных пережитках’ теоретикам советской венерологии было уже невозможно, соответственным образом должны были быть переориентированы и венерологическая наука и практика: венерические заболевания

были объявлены уже не только социальным, но прежде всего моральным и идеологическим злом.

В декабре 1931 года на третьей областной дерматовенерологической конференции в Харькове заведующий сектором науки Наркомздрава УССР Я.И. Лифшиц и директор Украинского государственного института венерологии и дерматологии профессор А. Н. Федоровский впервые заговорили об “ошибках на путях развития советской венерологии”. В.М. Броннер принимает решение ‘покаяться’ в прежних ошибках и публикует в журнале «Советский вестник венерологии и дерматологии» (1932, 3/4) статью *По-новому работать*, где называет “ошибочными” идеи установочного для советской венерологии 1920-х доклада *Основные задачи борьбы с венерическими болезнями в Советской России* и предлагает перейти от лозунга “Сифилис – не позор, а несчастье” к тезису о моральной ответственности каждого заболевшего перед всем обществом: “...каждое заболевание венерической болезнью должно быть осознано заболевшим как вредящее... борьбе [за новую жизнь]”.

В том же 1932 году у Государственного дерматовенерологического института отбирают его здание на Большой Грузинской улице – с ценнейшим, закупленным за границей оборудованием, лабораториями, сложившейся инфраструктурой, – и переводят Институт в здание обычной венерологической клиники в Сокольниках. В конце 1932 года по обвинению “в контрреволюционной деятельности, направленной на подрыв советского здравоохранения и советской сальварсановой промышленности” был арестован директор Института, Никита Савельевич Эфрон. В.М. Броннер вынужден принять пост директора обескровленного Института и должен все начинать сначала. Новый взлет его карьеры относится к 1934-1936 годам, когда наркомом здравоохранения РСФСР, а затем – СССР становится Григорий Наумович Каминский (1895–1938). Он собирает под крышей Наркомздрава многих ‘поверженных’ деятелей 1920-х, включая даже Христиана Раковского, который занял пост заведующего научными учреждениями Наркомздрава. Вольф Броннер, сохранивший многие европейские связи, не покидая поста директора Ин-

ститута, становится директором Всесоюзного бюро международной санитарной информации и представителем СССР в Гигиенической комиссии Лиги наций. Этот новый взлет обрывается событиями Большого террора: летом 1937 года арестовывают Каминского и его ближайшее окружение, а 23 октября 1937 года – самого Вольфа Броннера. О его судьбе семья ничего не знала вплоть до начала процесса реабилитации. Материалы следственного дела и опубликованные обществом “Мемориал” расстрельные списки показывают, что “старый большевик” Броннер не давал признательных показаний в течение первых девяти месяцев после ареста, провел в заключении в Лефортовской и Бутырской тюрьмах почти полтора года и был расстрелян 7 марта 1939 года в Москве⁴.

К счастью, другие члены семьи не были арестованы: дело ограничилось конфискацией имущества, включая большую часть просторной арбатской квартиры, арестом на дачные

⁴ Последнему периоду жизни В.М. Броннера и его следственному делу будет посвящен мультимедийный международный проект Международного Мемориала, готовящийся в рамках лаборатории “Время пересматривать”.

участок и дом, карьерными сложностями у всех детей Вольфа Моисеевича, включая и младшего сына Бориса.

Многие родственники, помнившие Бориса Броннера в детстве, говорили о нем как об очень избалованном мальчике, который в юности был одним из представителей 'золотой' московской молодежи. Бабушка, происходившая из простой учительской семьи, вспоминала, что, когда впервые встретила дедушку еще до ареста его отца, поняла, что с таким молодым человеком не хочет иметь ничего общего: настоящий барин, с личным шофером и неприятным характером. По бабушкиным словам, все почти моментально изменилось осенью 1937-го, после ареста отца. Когда она вновь встретила дедушку в начале 1938-го, это был совершенно другой человек. 'Большой террор' положил конец 'золотому детству' и 'золотой юности'.

3

В июле 1970 года в жизни Бориса Броннера происходит экстраординарное событие. В результате бытовой травмы (ее подробности описаны в предисловии к мемуарам) он падает с 5-метровой высоты и

ломает два позвонка. Травма была получена на даче, в 40 километрах от Москвы, и первый месяц ответственный работник Министерства связи проводит в обыкновенной районной больнице города Раменское. Единственное лекарство в этом случае – долговременная неподвижность. Только когда врачи разрешают транспортировать пострадавшего в Москву, – а это происходит почти через месяц после дачной аварии, – его перевозят в больницу Четвертого главного управления Минздрава, где он проводит еще месяц. Впервые за много лет инженер, деятельный руководитель, постоянно выезжавший то на производство, но в научные подразделения, объездивший весь Советский Союз и многие 'социалистические' и капиталистические страны, включая даже Австралию и США, оказался предоставлен сам себе. Трудно сейчас реконструировать, как и когда родилась в его голове мысль о мемуарах, – из самого текста мы знаем определенно, что, получив в подарок от коллег сделанный ими собственноручно столик, крепившийся к кровати, он решает использовать его не только для чтения и подписания служебных бумаг, но и для дру-

гих, совершенно не связанных с работой целей, и принимается за книгу о своем детстве. Я не случайно посвятила несколько абзацев предшествующему биографическому пути Б.В. Броннера: ему явно было что рассказать о своей работе на Центральном телеграфе – и до войны, и в первые послевоенные годы. Более того, начиная с 1949 года он написал несколько научно-популярных и публицистических книг о работе связистов⁵. Он мало рассказывал нам, внукам, о своей службе в учебном полку под Йошкар-Олой – эти воспоминания были для него явно весьма болезненными, – однако с удовольствием возвращался к своим юношеским путешествиям – и вместе с отцом, еще до его ареста, и без него – в одиночку или вместе с бабушкой (они поженились в 1939-м). Отдельным жанром его устных мемуаров были рассказы о тех странах, которые ему довелось повидать в заграничных командировках: в семейном архиве сохранился даже дневник, который он вел в 1966 году во время поездки в Австралию, поверяя свои впечатления только что вышедшей книгой Д. Гранина *Месяц*

⁵ Их исчерпывающий список приведен в комментариях к мемуарам.

вверх ногами. Дедушка явно предназначал эти путевые заметки точно для того же, родственного и дружеского, круга читателей, что и появившийся несколько лет спустя *Седьмой позвонок*. Следовательно, никаких причин для самоцензуры повествования о заграничных приключениях и наблюдениях он не видел.

Почему же в июле 1970-го, после драматического падения с лестницы, лежа на спине последовательно в районной и кремлевской больницах, он выбирает для своих мемуаров такой, на первый взгляд, неожиданный разворот – детство, середина 1920-х, Кисловодск, а в качестве героев – не себя или своих близких, но знаменитых людей, запомнившихся ему с тех пор? Попробую предложить свой вариант ответа на этот вопрос – и здесь мне придется далеко выйти за рамки семейной истории.

4

С середины 1950-х годов советскую литературу захватывает волна автобиографической прозы. Среди многих других произведений стоит упомянуть *Повесть о жизни К. Паустовского* (1955), *Березовый сок* Ст. Щипачева (1956), тре-

тью часть автобиографической трилогии Ф. Гладкова (*Лихая година*, 1954), а также произведения, хотя и написанные о вымышленных героях, но читавшиеся тогда как полу-автобиографическое описание 'реальных' детства или юности авторов: *Хуторок в степи* В. Катаева (1956), *Заре навстречу* В. Кожевникова (1956), первые тома тетралогии *Открытие мира* В. Смирнова (т. 1 – 1947, т. 2 – 1957), *Сентиментальный роман* В. Пановой (1958).

Социопсихологические и социокультурные причины этих процессов могут быть описаны на материале литературы и кинематографа 1954–1956 годов. На мой взгляд, они были глубинно связаны с распространёнными в этот период в советской культуре сюжетом противостояния инициативного героя и косной бюрократии и мотивами морального очищения, возможного (или недостижимого) возвращения к утерянным идеалам молодости. Проследить вариации этого сюжета и этих тем можно в знаковых произведениях эпохи, таких как *Оттепель* И. Эренбурга (1954), *Не хлебом единым* В. Дудинцева (1956), рассказе Д. Гранина *Собственное мнение* (1956), пьесе Л. Зорина *Гости* (1953), филь-

мах *Верные друзья* (реж. М. Калатозов, 1954), *Разные судьбы* (реж. Л. Луков, 1956), *Карнавальная ночь* (реж. Э. Рязанов, 1956).

То, что для одних писателей становится судьбоносным, но кратким эпизодом в эволюции их героя, для других оказывается двигателем сюжета и доминирующей жанровой моделью: вернуться к событиям прошлого как бы поверх страшного опыта 1930-х – 1940-х, реконструировать забытый эмоциональный опыт и социобытовые реалии предреволюционной и ранней революционной эпохи, – решением этой задачи, как видно из приведенного выше списка, заняты писатели самой разной идеологической ориентации⁶. Сама эта тенденция ухода от современности в автобиографическую прозу немедленно вызвала обеспокоенность партийных органов, ответственных за руководство литературой. Так, авторы записки от-

⁶ О мотиве морального очищения и сюжете противостояния инициативного героя и бюрократа см. мою статью *Идея морального очищения и ее институциональные импликации в публичном пространстве конца 1950-х – начала 1960-х годов* для коллективной монографии, посвященной институциональному строительству периода 'оттепели' (НЛО, М., в печати).

дела культуры ЦК КПСС *О некоторых вопросах развития современной советской литературы*⁷ перечисляют мемуарные тексты середины 1950-х и поясняют, что сами по себе они “не вызывают возражений, но одновременное обращение большой группы советских писателей ко временам своего детства и юности весьма показательно” (*Аппарат ЦК КПСС и культура*: 516).

Вообще, в *Седьмом позвонке* довольно много отзвуков самых громких событий литературы конца 1950-х – начала 1960-х. Это появившийся в 1959 году в русском переводе роман финского писателя Мартти Ларни *Четвертый позвонок, или Мошенник поневоле* (1957), давший Б.В. Броннеру и матрицу для заглавия его мемуаров, и некоторые стилистические образцы.

Не забудем и о первых частях мемуарного цикла И. Эренбурга. На моей книжной полке стоит собрание сочинений Эренбурга, взятое после смерти бабушки и дедушки из их библиотеки: том с первыми частями *Люди, годы, жизнь* хранит следы неоднократного прочтения: уголки некоторых страниц загнуты, переплет по-

трепан, – совсем не характерный внешний вид для книг из этой части семейного собрания.

На первой же странице первой книги этих мемуаров можно найти строки, которые, возможно, стали одной из отправных точек для автора *Седьмого позвонка*:

“Я был прав, сказав очень давно, что наша эпоха оставит мало живых показаний: редко кто вел дневник, письма были короткими, деловыми – ‘жив, здоров’; мало и мемуарной литературы. Есть на то много причин. Остановлюсь на одной, которая, может быть, не всеми осознана: мы слишком часто бывали в размолвке с нашим прошлым, чтобы о нем хорошенько подумать. За полвека множество раз менялись оценки и людей и событий; фразы обрывались на полуслове; мысли и чувства невольно поддавались влиянию обстоятельств. Путь шел по целине; люди падали с обрывов, скользили, цеплялись за колючие сучья мертвого леса. Забывчивость порой диктовалась инстинктом самосохранения: нельзя было идти дальше с памятью о прошлом, она вязала ноги” (Эренбург 1961: 6). А за этим абзацем следует еще один, тоже весьма важный для мемуарного за-

⁷ Датирована 27.07.1956, за подписью Б. Рюрикова, В. Иванова и И. Черноцана.

мысла деда: “Проезжая по улице Горького, я вижу бронзового человека, очень заносчивого, и всякий раз искренне удивляюсь, что это памятник Маяковскому, настолько статуя не похожа на человека, которого я знал” (Эренбург 1961: 8).

В 1960-е советский автобиографический нарратив пополняется мемуарами, автобиографической и ‘полу-автобиографической’ прозой и старшего, и младших поколений. Упомяну здесь самые известные тексты: *Святой колодец* (1965), *Траву забвения* (1967) и *Кубик* (1968) В. Катаева, *До свидания, мальчики!* Б. Балтера (1961), *Будь здоров, школяр!* (1961) Б. Окуджавы, мемуарный очерк В. Гроссмана *Фосфор* (1958–1962).

Для многих из перечисленных здесь произведений, рассказывающих о детстве и юности героев и повествователей, характерно создание своеобразной идиллической топики. Мир детства не обязательно идеален – он может быть насыщен социальными и культурными конфликтами, внутренними противоречиями, но, тем не менее, он потерян навсегда и может быть восстановлен только усилиями памяти. Из этой установки

исходят и К. Паустовский, и В. Катаев, и И. Эренбург. Особенно ярко она проявилась в прозе писателей ‘военного’ поколения, родившихся на несколько лет позднее моего деда – Б. Балтера, Б. Окуджавы. Наиболее емко идиллический топос детства представлен в стихотворении Д. Самойлова *Выезд* (1966) – думаю, что из-за своего московского колорита оно должно было быть особенно близко Б.В. Броннеру⁸:

Помню – папа еще молодой,
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик лихой, завитой,
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве – допотопный трамвай,
Где прицепом – старинная конка.
А над Екатерининским – грай.

⁸ Дедушка никогда не рассказывал мне о своем знакомстве с Д. Самойловым, и я не знаю, произошло ли оно когда-либо в действительности, однако в детстве их отделяло друг от друга буквально одно рукопожатие: отец Самойлова, Самуил Кауфман, был главным венерологом Московской области и, конечно, должен был многожды встречаться по работе с Вольфом Броннером.

Все впечаталось в память
ребенка.

Помню – мама еще мо-
лода,
Улыбается нашим сосе-
дям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы
едем...

А Москва высока и свет-
ла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом – купола, купо-
ла.
И мы едем, все едем ку-
да-то.

Звонко цокает кованный
конь
О булыжник в каком-то
проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи со-
звездий.

Папа молод. И мать мо-
лода,
Конь горяч, и пролетка
крылата.
И мы едем незнамо куда
–
Все мы едем и едем куда-
то (Самойлов 2006: 161).

Борис Броннер выбирает для
своих детских воспоминаний
иной идиллический топос –
это не Москва, не любимый с

детства Арбат, не рассказы о
собственных детских проказах
и многочисленных попытках
обучения музыке (об этом он
залихватски рассказывал нам,
внукам почти всякий раз, ко-
гда мы с замиранием сердца
просили у него: “Дедушка,
расскажи о том, как ты был
маленьким!”). В центре его по-
вествования – Северный Кав-
каз, точнее, санаторий
ЦЕКУБУ в Кисловодске, где
его мать, Елена Борисовна, ра-
ботала директором с 1923 по
1929 год. И для того, чтобы
объяснить этот выбор, при-
дется совершить еще один ис-
торический экскурс.

5

Странная аббревиатура
ЦЕКУБУ – краткое именован-
ие Центральной комиссии
устройства быта ученых, кото-
рая была создана по инициа-
тиве В.И. Ленина “в качестве
специального и постоянного
органа государственной по-
мощи ученым в конце 1921 го-
да”. В ведении комиссии нахо-
дились продовольственные
пайки, денежные выплаты,
подписка на иностранные из-
дания, обмен научной инфор-
мацией, организация лекций⁹.

⁹ См.: Хабибрахманова 2008; Шальнев
2010; Шальнев 2011.

После решения первоочередных продовольственной и жилищных проблем Комиссия приступила к организации учреждений отдыха, досуга, больнично-санаторного пребывания ученых и деятелей культуры. Так были созданы знаменитый Дом ученых в Москве, общежитие в Москве для приезжающих в научные командировки, два интерната (в Москве и Ленинграде) для престарелых ученых и вдов покойных профессоров. Настал черед и санаториев: “Узкое” и “Сосновый бор” в Подмоскowie, “Гаспра” в Крыму и два санатория в Детском Селе под Петроградом. Наконец, в апреле 1923 года открылся санаторий в Кисловодске (Санаторий 2012: 22). Кисловодский санаторий был, наверное, единственным значительным единоличным общественным начинанием прабабушки Елены Борисовны. Дочь известного томского купца, она, несомненно, обладала сильной предпринимательской жилкой. Начавшийся нэп способствовал проявлению ее талантов. Заручившись мандатом Комиссии, в апреле 1923 г. она взяла в аренду у Кисловодского курорта сроком на три года трехэтажный жилой дом в 20 комнат (бывшее владение Нагорского), а в

ноябре 1924 года – еще одно домовладение по той же Крестовой улице (Санаторий 2012: 53). В 1926 году, когда срок аренды обоих зданий закончился, Е.Б. Броннер ходатайствовала перед ЦЕКУБУ, а ЦЕКУБУ обратился в Совнарком РСФСР о постоянном закреплении этих зданий за санаторием. В 1927 г. кисловодский архитектор Павел Еськов спроектировал для санатория новое двухэтажное кирпичное здание на 33 человека. Открытие этого нового корпуса, на которое специально приехал из Москвы Н.А. Семашко, состоялось летом 1929 года уже без Елены Борисовны, – она оставила пост директора¹⁰, однако без ее участия это расширение санатория вряд ли было бы возможно (Санаторий 2012: 64).

За несколько лет Елене Борисовне удалось сделать санаторий на Крестовой горе популярным местом отдыха среди самых известных ученых и де-

¹⁰ Характерно, что в январе 1930 г. Н.А. Семашко был снят с поста наркома здравоохранения, а за несколько месяцев до этого, в сентябре 1929 г., потерял пост наркома просвещения А.В. Луначарский. 3 мая 1931 г. Постановлением СНК СССР ЦЕКУБУ была реорганизована в Комиссию содействия ученым (КСУ) и просуществовала до 1937 года (Санаторий 2012: 23).

ятелей культуры той поры: здесь они отдыхали, лечились, общались друг с другом, устраивали лекции, экскурсии, концерты, спектакли для отдыхающих и местных жителей.

Мы располагаем довольно скупыми сведениями о ранней истории санатория, однако из отчета Е.Б. о лекциях и концертах лета 1925 года знаем, что в нем отдыхали и занимались культурно-просветительской деятельностью бывший народоволец и директор Сельскохозяйственного музея Михаил Васильевич Новорусский, медик, ученик Лесгафта Г.А. Коган, уже упоминавшийся выше венеролог Н.С. Эфрон, статистик и географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский, химик А.Н. Реформатский, юрист Н.А. Гредескул, московские артисты Е.Ф. Цертелева, С.Е. Трезвинский, А.Л. Вишневецкий, Н.А. Смирнова, А.В. Богданович, А.А. Яблочкина, композиторы А.А. Крейн и Р.М. Глиэр и многие другие (Санаторий 2012: 54–62).

Но особенно популярным санаторий стал в сезоны 1927–1928 годов, когда в нем пребывала почти вся ученая, театральная и музыкальная Москва – да и Ленинград тоже. В мае 1927 года в санато-

рий на Крестовой горе приезжает Самуил Маршак и упоминает о своих встречах там с Б.Л. Пастернаком (Маршак 1972: 99–100). Судя по письмам К.С. Станиславского, в 1927 году в санатории отдыхали академик С.Ф. Ольденбург, все те же А.В. Богданович и С.Е. Трезвинский, А.А. Ахматова, певцы М.И. Бриан и С.И. Мигай (Станиславский 1999: 278–287).

Дневники К.И. Чуковского дают нам обширный список отдыхающих осени 1928 года: здесь К.С. Станиславский и В.И. Качалов, критик Вяч. Полонский, литературовед Леонид Гроссман, исполнительница северных сказок О.Э. Озаровская, Алексей Толстой, Борис Пильняк, художник и искусствовед Николай Радлов, писатель Александр Тихонов (Серебров), Михаил Кольцов, украинский историк академик Д.И. Багалей, М.Л. Лозинский (Чуковский 2006: 376–382). Дневники В.И. Вернадского, жившего в санатории в июне и августе того же года, дополняют этот список именами ученых – С. Чаплыгина, П.Н. Сакулина, Б.А. Фохта, В.Ф. Кагана, Н. Кольцова и артистов – А.В. Неждановой и Н.С. Голованова (Вернадский 2001: 59–66). Здесь же летом 1928 года проводит свой летний отпуск

молодая, недавно заявившая о себе историк Милица Нечкина (Нечкина 2006).

Идиллический статус санатория на Крестовой горе был воплощен в знаменитом стихотворении Анны Ахматовой *Здесь Пушкина изгнание началось...*

Все постояльцы санатория, запечатлевшие свое пребывание там в дневниках или письмах, оставили самые теплые отзывы о заведующей – в пору написания *Четвертого позвонка* дедушка вряд ли мог об этом знать, разве что ему довелось раскрыть вышедший в 1961 году том писем К.С. Станиславского. Позволю себе привести несколько отзывов, чтобы показать, какая атмосфера почитания окружала тогда Елену Борисовну и все ее семейство:

“Никогда я не забуду этих дней в Цекубу. Наша ‘хозяйка’, Ел. Бор. Броннер, женщина властная, эгоцентрическая, не управляет, но царствует. У нее в Москве огромные связи, ее муж – правая рука Семашки, она знакома со всей ученой, артистической, партийной Москвой, отлично разбирается в людях и обладает огромным талантом к управлению ими. Все у нее ходят по струнке, ей 47 лет, она не утратила былой красоты, она очень

цельный человек, откровенный, немного презирающий всех нас. Прекрасная рассказчица...” (Чуковский 2006: 382).

“В смысле удобств жизни, забот, ухода – здесь чудесно, как нигде. Броннер, заведующая, – ангел [...] Ко мне с концертами не пристают. Никого ко мне не пускают благодаря благодетельнице Ел. Бор. Броннер” (Станиславский 1999: 280, 284). (Фото 2).

Дедушка неоднократно вспоминал о том, что основным мотивом, подвигнувшим прабабушку согласиться на директорскую должность, было желание вывозить ослабленных голодом Гражданской войны детей из Москвы в горы, где они могли дышать чистым воздухом и почти без ограничений пить молоко и есть фрукты. Уезжали из Москвы в мае, возвращались в начале октября – дедушка пропускал минимум два месяца из школьного года, и эта возможность большей, чем у других сверстников, свободы тоже помнилась ему как окрыляющая. Именно из Кисловодска, пошли многие семейные знакомства и связи, здесь же в семью был принят еще один воспитанник. Позволю себе процитировать письмо деда к сибирскому историку В.Т. Гужевой:

“В 1925 году в Кисловодске был ‘обнаружен’ очень талантливый армянский мальчик Арам Татулян. По мнению сестер Гнесиных, а мальчика слушали и Елена, и Ольга, и старшая из сестер (не помню ее имени, кажется, Евгения, она и стала потом учительницей Арама)¹¹, он был просто талантлив, и его надо было учить, и они согласны были взять мальчика в свою школу. Но как это сделать? Многодетная бедная семья, брат Арама служил агентом по снабжению в санатории, где работала моя мама, мы с Арамом были погодки (он был 1915, а я 1916 года) и очень дружили. И вот встал вопрос о Москве. Узнав, что я не возражаю жить вместе с Арамом, а у меня была отдельная комната, отец решил взять Арама к нам. Так у нас в семье появился еще один сын, ибо прожил с нами Арам до ареста отца, и только когда семья фактически вся распалась, он стал совершенно самостоятелен, но к этому времени он уже был лауреатом 2-го Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей, успешно закан-

¹¹ Сестер, действительно, было три, и одну из них звали Евгения, однако имя второй сестры – Мария, а не Ольга, как утверждает Б.В. Броннер. Все трое основали 1895 году музыкальное училище, которое в 1944 г. стало Музыкально-педагогическим институтом.

чивал консерваторию по классу профессора Гольденвейзера, а до консерватории был лучшим учеником в школе Гнесиных и после окончания аспирантуры до своей смерти в 1974 году работал доцентом по кафедре фортепиано в Институте им. Гнесиных”¹².

6

В мемуарах Борис Броннер характерным образом обходит все подробности, связанные с кисловодскими периодами ‘свободы’. Не проговаривает он эксплицитно и то, что главной особенностью жизни сына директора санатория были совершенно новые, не похожие на московские, отношения с отдыхающими – известными учеными, артистами, композиторами, писателями. Граница, отделявшая его в обычной жизни от этих ‘звездных’ фигур, размывалась – во многом благодаря вольной атмосфере курорта, но, что не менее важно, благодаря особому положению маленького Бориса в социальной иерархии санатория: очевидно, многие его обитатели стремились подружиться с

¹² Письмо Б.В. Броннера В.Т. Гузеевой от 25.10.1976. Хранится в домашнем архиве Е.Б. Броннер-младшей.

сыном всемогущей заведующей.

Судя по дневникам В.И. Вернадского и К.И. Чуковского, письмам С.Я. Маршака и М.В. Нечкиной, жизнь в санатории отнюдь не была безоблачной. Вернадский рассказывает об услышанных от разных обитателей из разряда ‘бывших’ историях поэтапного уничтожения академической науки и сетует на засилье ‘еврейства’, М.В. Нечкина, наоборот, обрушивается на ‘бывших’, разговоры и привычки которых ей ненавистны (“Публика здесь обычная цекубистская, т.е. на 70% сволочь. Очень любопытно было наблюдать впечатления ее и реакцию на шахтинское дело. При встрече расскажу подробности. В общем, отношение обострилось, и еще резче прошла грань между советским и нес советским элементом” [Нечкина 2006]). К.С. Станиславский возмущается всеобщим падением нравов, затронувшим даже его труппу: “Публика здесь сплошные хамы и сукины дочери. Иначе определить нельзя. Ходят в подштанниках, а животы, грудь голые, скверные, волосатые. Ходишь по парку и отплевываешься. Кажется, что попал либо в больницу, либо в баню. Ужасно то, что этой чудной моде

следует и интеллигенция, и даже наши: Изралевский, Качалов” (Станиславский 1999: 284).

Борис Броннер как будто не замечал (забыл или действительно не замечал?) всех этих скрытых и открытых противоречий. В его мемуарном повествовании почти не рассказывается об отношениях между разными героями его очерков (исключение – хрестоматийная пара Станиславский-Качалов). Нет в них ни слова о трудностях получения путевок, бытовых неурядицах, и только в мимолетном упоминании об оставленном для В.И. Качалова на лекарственном столике коньяке мы можем разглядеть едва заметную констатацию системы привилегий, установившейся внутри социальной иерархии санатория. Даже по краткому изложению рассказа Е.Б. Броннер, приведенном в дневнике К.И. Чуковского, – цитату из него я даю ниже в одном из комментариев к публикации, – хорошо видно, что сама ‘хозяйка’ санатория проводила достаточно резкую грань между ‘старыми’ и ‘новыми’, революционными деятелями науки и культуры. Стараясь относиться с юмором к общению своего сына с революционным писателем Артемом

Веселым, она, тем не менее, явно была не в восторге от перемен, произошедших в словаре одиннадцатилетнего мальчика. Однако для маленького Бориса, как много позже и для Бориса-мемуариста, Кисловодск остался как раз местом гармоничного сосуществования “князей” и “графов” (выражение из очерка о К.С. Станиславском) с новоначинной и новообразованной советской интеллигенцией.

Еще одна заведомая аберрация, к которой прибегает автор мемуаров, – молчание о последующей судьбе многих героев его очерков: репрессированного в 1937-м Артема Веселого, арестованного в 1937-м и погибшего в 1939-м Вольфа Броннера, о смерти в 1943-м от туберкулеза нежно любимой сестры Нелли, об испытаниях, выпавших на долю семьи после ареста отца... Отец – ключевая фигура в личностном и эмоциональном становлении Бориса, вообще фигурирует в мемуарах только как эпизодический персонаж очерка о Сергее Миге. 1930-х, 1940-х, 1950-х в этих мемуарах нет даже в виде ближайшей или отдаленной биографической перспективы. Они вычеркнуты, намеренно забыты.

Что стало с многочисленными знакомствами и дружбами

кисловодской поры после 1937 года? Одним из примечательных свидетельств произошедших перемен является редукция биографии Елены Борисовны Броннер до момента ареста ее мужа. Почти все источники (комментарии к дневникам Чуковского и Вернадского, биографическая справка в книге о Санатории им. Горького¹³) называют в качестве даты ее смерти 1937 год (даже раньше, чем был расстрелян ее муж!), а в качестве причины – незаконную репрессию и смертный приговор. Однако Е.Б. Броннер не была арестована и умерла только летом 1965 года. Похоронена она, по иронии судьбы, в крематории того самого Донского кладбища, где находится коллективное захоронение жертв расстрелов Большого террора, в котором, согласно картотеке “Мемориала”, покоится прах ее мужа. (Фото 3).

По воспоминаниям моей мамы (по осознанному выбору деда, она – полная тезка моей прабабушки), основной круг общения Елены Борисовны после 1953 года составляли вышедшие из лагерей ее давние знакомые: вернувшаяся в

¹³ См.: Вернадский 2001: 69, Санаторий 2012: 97, Чуковский 2006: 610.

Москву в 1954-м вдова Александра Косарева Мария Нанейшвили, выпущенная из казахстанской ссылки Лина Соломоновна Штерн... По-видимому, не прерывались отношения с сестрами Гнесинскими и Самуилом Маршаком, помогавшим бабушке в конце 1940-х при создании детской книжки *Путь телеграммы*. Однако большинство друзей и знакомых из ученой, писательской и артистической среды были потеряны, и об этом бабушка намеренно не захотел писать в своем идиллическом *Седьмом позвонке*.

По-видимому, напряжение между рассказанным и замалчиваемым оказалось настолько сильным, что бабушка решил не продолжать свой мемуарный труд, завершив его очерком о Р.М. Глиэре. В этом же очерке мы находим очень интересный пассаж, проливающий свет и на другую причину оставления замысла этого прозаического цикла: “Когда начали складываться первые фразы этих воспоминаний, мне казалось настолько все памятным и ясным, что не вызывала сомнения необходимость оставить все эти воспоминания на бумаге. [...] Коротче говоря, я много помню того, что для меня, маленького мальчика, было главным”.

Последний очерк цикла обнажил еще одно неразрешимое для Б.В. Броннера противоречие, с самого начала сознательно заложенное автором в повествование. С одной стороны, он намеревался рассказать о ‘великих’, какими он их помнил, и в этом смысле его мемуары представляют сознательную оппозицию культовой книге 1960-х о довоенном идиллическом детстве – *До свидания, мальчики!* Б. Балтера. Там действие тоже происходит в курортном городе, однако для героев повести обитатели курорта не представляют никакого личного интереса:

“Мы видели их в курзале – нарядных, чистых, хорошо пахнущих, как-то по-особому свежих и снисходительно добрых; так выглядят люди, свободные от повседневных забот. Среди них были знаменитые инженеры, ученые, служащие, просто рабочие. Все они в наших глазах сливались в одно целое – в ‘курортников’. И нам даже в голову не приходило, что в городах, из которых они приехали, это были обычные люди, с такими же, как у всех людей, будничными делами.

Они жили среди нас, не замечая нас. Им не было никакого дела до того, что о них думают

и говорят. А город видел все их слабости, и потому наши отцы и матери считали себя выше их” (Балтер 1963: 13–14). Однако другой задачей своих мемуаров Б. Броннер видел акцентирование детского, очень избирательного характера запомнившихся портретов, реплик и сцен. Доминирующую роль в мемуарах начинают играть эмоции страха (*Артем Веселый*), удивления (*К.С. Станиславский*), восхищения (*В.И. Качалов*), сочувствия (*Сергей Мигай*), мальчишеской гордости (*Р.М. Глиэр*). Эти эмоции, по сути, и составляют композиционное ядро каждого очерка, они, как магнит, притягивают к себе все прочие повествовательные элементы.

По тексту мемуаров хорошо видно, что, продвигаясь в своих очерках дальше и дальше, дедушка с большим успехом решал эту вторую задачу и, вероятно, видел принципиальную неразрешимость первой: помнил он слишком мало и слишком субъективно. Самолично обоснованная им причина, легитимировавшая его занятия мемуаристикой, – знакомство с известными людьми, встречи с ними в бытовых и самых прозаических обстоятельствах, – по мере продвижения повествования

становилась все более эфемерной, тогда как история собственного детства рассказчика, наоборот, выходила на передний план. Сейчас уже трудно сказать, какой именно фактор оказался ключевым для решения не продолжать далее начатые мемуары: авторская скромность, не позволявшая концентрировать внимание читателя на собственной персоне, или травматическое сознание свидетеля исчезновения всей этой идиллической цивилизации 1920-х, – ведь сместив фокус в сторону собственного ‘я’ и собственной эмоциональной биографии, он вынужден был бы хотя бы скороговоркой коснуться этих драматических сюжетов...

Как будто компенсируя умолчания *Седьмого позвонка*, уже в 1980-е годы дедушка объединил в одну папку этот свой мемуарный текст и два обширных письма Валентине Гужевой, новосибирскому историку, писавшему книгу о В.М. Броннере: здесь Б.В. подробно говорит об отце, его сибирском детстве и отрочестве, увлечениях, о его распорядке рабочего дня в 1920-е и 1930-е, об их совместных путешествиях, об отношении отца к Сибири и Байкалу... Папка с этими тремя текстами названа ав-

тором *Мои воспоминания об отце и детстве*. Понятнейшая структура заголовка, его синтаксис выдают одновременное запараллеливание и разведение персоны и периода жизни – как будто бы разговор об отце может вестись только отдельно от рассказа о детстве, – в другом жанре, с другой интонацией, с иным собеседником.

Причин у этого принципиального различия, по видимому, две. Первая уже названа – невозможность ввести в воспоминания о детстве воспоминания о репрессированном отце. Вторая – состоит в очень большом авторитете В.М. Броннера для сына. Привычка В.М. Броннера осуществлять моральное руководство простирается даже в его нескольких сохранившихся письмах к сыну 1934-1936 годов. Дедушке явно было трудно описывать свое детство как идиллическое, постоянно ‘держа в уме’ отношения с любимым, но довольно требовательным отцом, чья требовательность к тому же была ‘поддержана’ его известностью и высоким положением.

Тем не менее, дедушка явно не был готов расстаться с идиллической топикой своих мемуаров. Родившийся под его пером герой – неожиданная

фигура для советской литературы середины прошлого века: это ребенок, который по счастливой случайности стал свидетелем ‘домашней’, приватной стороны истории культуры. Слово бы только это детское знакомство с известными людьми придавало его жизни надличностный смысл. Этот взгляд, может быть, аналогичен тому настроению, с которым Б.В. писал свои австралийские дневники: важен не он сам, но то иное и большее, чем он сам, открывшееся благодаря удаче и требующее запечатления. Это ‘постоттепельное’ настроение, характерное не только для деятелей неофициальной культуры или либеральных деятелей культуры официальной, но и для представителей советской технической интеллигенции и министерской номенклатуры, должно быть, на мой взгляд, зафиксировано и сохранено в культурной памяти.

БОРИС ВУЛЬФОВИЧ БРОН-
НЕР

СЕДЬМОЙ ПОЗВОНОК

Публикация основана на рукописи Б.В. Броннера (1916-1991), хранившейся в архиве семьи Броннеров в папке, которую сам автор озаглавил

Мои воспоминания об отце и детстве. Первая часть представляет собой цельное по замыслу произведение мемуарного характера *Седьмой позвонок*, написанное летом 1970 года. Вторая часть – более поздние письма Б.В. Броннера сибирскому историку и краеведу В.Т. Гузеевой, занимавшейся в 1970-1980-е годы исследованием биографии и революционной деятельности отца Б.В. Броннера, Вольфа Моисеевича Броннера (1876–1939).

Рукописи не готовились к публикации самим автором, поэтому они печатаются без стилистической правки, с исправлением только случайных ошибок и описок (несогласование падежей, пропуск букв, предлогов и т.д.). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, лишь в некоторых случаях сохранены авторские знаки препинания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЕДЬМОЙ ПОЗВОНОК. ВМЕСТО ПРЕ- ДИСЛОВИЯ.

Когда тебе 53 с хвостиком и ты раньше никогда не написал даже маленького очерка или рассказа, а вершиной творчества была книга для детей

*Путь телеграммы*¹⁴, то сам себе невольно задаешь вопрос: а какое право у тебя есть отнимать время у читателя?

Если говорить откровенно, то только прочтя громадное количество различной литературы, а возможности у меня

¹⁴ *Путь телеграммы* – научно-популярная детская книга Б.В. Броннера, написанная совместно с Л. Кокосовым и опубликованная в Москве в 1949 и переизданная в 1955 году. Затем она была переведена на китайский язык и опубликована в Пекине в 1957 году. Между тем Б.В. Броннер не называет здесь нескольких книг, выпущенных им единолично и в соавторстве в 1949–1970 годах: *Бригада отличного качества на телеграфе* (в соавторстве с Л.В. Кокосовым; М., 1949), *Телеграфист* (М., 1953), *Идущие впереди. Опыт работы бригад Московского центрального телеграфа, соревнующихся за звание бригады коммунистического труда* (в соавт. с Л.В. Кокосовым, М., 1959), *Организация абонентского телеграфирования. Лекции по организации и планированию телеграфной связи* (М., 1961). В 1971 году вышел написанный в соавторстве с Н.М. Губиным учебник для инженерно-экономических факультетов электротехнических институтов связи *Организация и планирование телеграфной связи* (М., Связь). Можно предположить, что в сознании Б.В. Броннера граница между тем, что сегодня считают fiction и non-fiction, проходила иначе. Детскую научно-популярную книжку, равно как и мемуары, он считал по разряду художественной литературы, а остальные свои сочинения считал принадлежащими к научному или деловому жанрам.

были большие, ибо вот уже месяц я лежу в больнице носом вверх, пришлось убедиться в наличии и слабо написанных произведений. Вот и по думалось – давай рискнем, давай попробуем.

С чего начать? Ну, конечно, с воспоминаний. Оглядываясь на прожитое, я без особого спора с собственной совестью могу признаться читателю, что мои детские годы периода 1924–1928 гг., когда мне посчастливилось жить каждое лето, а вернее, с мая по октябрь, в санатории Дома ученых в Кисловодске, были наполнены исключительно интересными встречами. Моя мама¹⁵ в течение этих пяти лет была директором санатория, где регулярно отдыхали и лечились кисловодским нарзаном Станиславский и Качалов, Иоффе и Рамзин, Глиэр и Оборин, Маршак и Чуковский и многие, многие замечательные люди, о которых я, к сожалению, могу рассказать только в отдельных эпизодах, тех, которые произвели особое впечатление на маленького мальчика. Ведь летом 1924 г. мне шел всего восьмой год. Но летом 1928 г. мне было почти

12 лет, и, вероятно, многое, что запомнилось, относится к более ‘зрелому’ возрасту автора. Хорошо, скажет читатель, а почему такое ясное по содержанию повествование получило столь интригующее название – *Седьмой позвонок*? Для ответа придется рассказать о печальном для автора вечере 18 июля 1970 года.

Был жаркий, очень жаркий день. Даже на даче под Москвой, когда в тени 33 градуса, жара дает о себе знать. Именно в этот день я решил закончить прибивать доски к новому забору и когда осталось всего 6 погонных метров, пришлось делать перерыв в работе и пойти чинить электрический ввод в дачу.

О, мужчины, взываю к вам, кто из нас не испытал чувство раздражения, когда начатая работа прекращается, и вас ‘перебрасывают’ на другое хозяйственное поручение. Прекрасно зная положения о технике безопасности при работе с электричеством, да притом на высоте более 5 метров, я делал все правильно, но не удосужился надеть рубашку и, уже почти окончив все восстановительные работы, замкнул через себя две фазы 220-вольтовой магистрали и полетел с лестницы вниз головой.

¹⁵ Елена Борисовна Броннер (1881–1965) – мать Б.В. Броннера и жена В.М. Броннера, см. о ней в предисловии к публикации.

Судьба оказалась милостива, и все закончилось повреждением двух позвонков. Заключение врачей было четким и ясным – лежать 55 дней на спине. Вот и лежу я уже 30 дней. Товарищи мои сделали для меня специальный столик, и это позволяет без особых перенапряжений писать.

“Все ясно, – скажет читатель, – но почему все-таки *Седьмой позвонок*?” Да потому что повредил я четвертый и седьмой позвонки, но книга Ларни *Четвертый позвонок* давно уже заняла свое место на книжных полках¹⁶. Ну а я никогда бы не рискнул тратить время на литературные опусы, если бы не седьмой позвонок.

Вот, пожалуй, и все. Теперь можно и начинать.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

...Порыв ветра был настолько сильным, что змей взметнулся ввысь, бечевка натянулась как струна, и я почувствовал, как

¹⁶ *Четвертый позвонок, или Мошеник поневоле* – популярная в 1960–1970-е годы книга финского писателя Мартти Еханеса Ларни (настоящее имя – Марти Лайне), опубликованная по-фински в 1957-м, а по-русски в 1959-м году (Ларни 1959). Этот сатирический роман повествует об американских похождениях финского журналиста, ставшего на время физиотерапевтом.

ноги мои оторвались от земли и меня потащило к обрывистой круче Крестовой горы¹⁷. Испугаться я не успел, крепкие руки схватили меня, опустили на землю и перехватили бечевку от метавшегося над горой большущего змея...

Прибывающие в наш санаторий ученые, артисты и другие немногочисленные, как их потом называли, “больные”¹⁸, как

¹⁷ Крестовая гора – доминирующая возвышенность центральной части Кисловодска, на вершине которой был расположен санаторий ЦЕКУБУ. Гора получила свое название в честь каменного креста, установленного 15 июня 1848 г. по инициативе первопоселенца Кисловодска А.Ф. Реброва (1776–1862) в память о 50-летию проведения первого курортного сезона у нарзана (Санаторий 2012: 53).

¹⁸ Судя по письмам М.В. Нечкиной, отправленным мужу из санатория ЦЕКУБУ в 1927, для того, чтобы ученому или деятелю культуры получить туда путевку, нужно было пройти медицинскую комиссию и доказать, что он/она действительно имеет диагноз, требующий лечения на Кавказских минеральных водах: “Отличие от предыдущих комиссий то, что закатывают самый настоящий медицинский осмотр” (Нечкина 2006). Согласно изданию *Теберда*, написанном и изданном В.М. Броннером в 1934 г., “в санаторий КСУ принимаются переутомленные, с упадком питания, выздоравливающие после болезней и операций, невротики (легкие формы), с закрытыми вполне компенсированными формами туберкулеза и с болезнями дыхательных путей туберкулезного характера.

правило, были люди степенные, а мне, мальчишке, казалось, даже важные.

И когда передо мной оказался протягивающий для знакомства руку, большой, улыбающийся во все лицо мужчина, то я очень смутился и в ответ на его громкое “Артем” тихонько сказал: “Борис”. “Ну, вот и познакомились, – сказал Артем. – А я о тебе уже все знаю от твоей мамы, замечательная, брат, у тебя мамаша. Смотри-ка, какое чудесное место для санатория наша!”¹⁹.

при полной компенсации сердечно-сосудистой системы. Теберда рекомендуется также после окончания лечения на других, главным образом бальнеологических, курортах” (Теберда 1934: 15).

¹⁹ Согласно документам, сохранившимся в архиве ЦЕКУБУ, Елена Борисовна Броннер была назначена на должность заведующей санатория ЦЕКУБУ 1 апреля 1923 г. Ей был вручен мандат, на основании которого она должна была организовать санаторий прямо на месте: выбрать подходящее место и арендовать здание. Броннер немедленно выехала на место и взяла в аренду у Кисловодского курорта сроком на три года трехэтажный жилой дом в 20 комнат (бывшее владение Нагорского), расположенный по ул. Крестовой, дом 11. А в ноябре 1924 года в аренду у курорта было взято еще одно домовладение по ул. Крестовой, 9. Санаторий располагается в центре города на вершине Крестовой горы, у подножия которой бьет ключ минерального источника нарзан (Санаторий 2012:

Место было действительно чудесное. Ведь в 1924 г. бывший пансионат Нагорских на Крестовой горе был самой высокой обжитой точкой Кисловодска. Чистый воздух, простор открывающихся перед взором гор, тишина. Все это даже в те далекие годы резко отличало жизнь на Крестовой горе от жизни в самом городе. – Слушай, Борис! Тебе, как сказала мамаша, здорово скучно тут, и предлагаю такой план. Сделаем, брат, здорового змея с трещотками и будем его запускать с Крестовой горы на удивление всем. – Он посмотрел в мои широко открытые от удивления и сча-

53 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 2. Ед. хр. 82. Л. 2–19). Ср. с описанием К.С. Станиславского: “Если выйти из калитки большого дома, то очутишься на переходе Крестовой горы в Красные камни. Если пойдешь по тропинке по полю, то через десять минут очутишься на Красных камнях. Если пойдешь из калитки полее, то попадешь в удивительное место – на мыс Крестовой горы, на котором в оно время возвышался крест. Теперь он свержен и валяется на земле. Отсюда замечательный вид, который можно сравнить только с видом на Тифлис с грибоедовской могилы. Ночью и при луне, которая светит теперь, получается феерическая картина. Кажется, что стоишь на мысу огромного корабля, а под тобой, далеко внизу – расстилается огромный городище, вроде Нью-Йорка” (Станиславский 1999: 278–279).

стья глаза и громко расхохотался. Это был именно хохот, а не смех. Этот большой и приветливый человек был переполнен чувством радости жить. Он все делал широко, громко, смачно. Он даже ругался так по-особенному здорово, что чопорные жители санатория только снисходительно улыбались²⁰.

Работа над змеем продолжалась три дня. Я только успевал бегать то за газетами, то за клеем, то за различными планками. Сооружение получалось величественных размеров в четыре развернутые газеты. Был сделан длинный хвост из пакли. Отлично получилась трещотка. Во время работы Артем напевал, под-

²⁰ Корней Иванович Чуковский несколько иначе со слов Е.Б. Броннер пересказывал эффект, произведенный Артемом Веселым и его 'смачной' речью, на ученых обитателей ЦЕКУБУ: "[Е.Б. Броннер] рассказала мне, как в Цекубу приехал пролетарский писатель Артем Веселый и ее сын Боря вдруг стал ругаться по матери. Веселый сошелся с Борей и научил 10-летнего мальчика самым ужасным ругательствам, называл ученых буржуями - и не желал даже сидеть с ними за одним столом, а беседуя с Еленой Борисовной, сам того не замечая, матюкался на каждом шагу. 'Я так и похолодела, когда услышала вдруг 3 слова, а потом ничего, привыкла'" (Чуковский 2006: 382).

маргивал мне, улыбка не сходила с его лица, и было видно, что он радуется вместе со мной.

Иногда он произносил какие-то короткие стихотворные фразы, смеялся и потирал руки от удовольствия. Когда работа подошла к концу и змей был прислонен к стене комнаты, в которой жил Артем, он стал зазывать к себе то одного, то другого из жителей маленького корпуса санатория и спрашивал совета, а как раскрасить такое чудо-юдо. Я не помню, какие давались советы, но помню, как в конце целого дня обсуждений Артем посадил меня к себе на колени и сказал: "Общего мнения нет, поэтому запустим его завтра в таком 'газетном' виде, как он был нами создан".

Сразу после завтрака мы отправились на Крестовую. Артем, высоко подняв в руке змея, шагал, поглаживая меня по голове, а я, счастливый, вприпрыжку вышагивал, неся в руках пушистый змеиный хвост.

Милый, хороший, добрый Артем! Он не пожалел трех дней своего отпуска, чтобы доставить удовольствие маленькому, скучающему среди взрослых, мальчишке. И трудно представить, как он был огорчен, когда, приземлив меня

после короткого полета, увидел искаженное страхом лицо. Мы начали запускать змея по всем правилам, и Артем показывал, как надо постепенно раскручивать бечевку. Ветер на горе был слабый, и змей медленно и спокойно поднимался вверх, но именно в тот момент, когда довольный всем происходящим Артем отдал в мое полное распоряжение весь оставшийся клубок бечевки и я для большей уверенности накрутил ее себе на руку, случилось то, с чего я начал этот короткий рассказ.

Впоследствии ни я, ни Артем не могли вспомнить, каким образом бечевка оказалась 'на свободе' и змей, взмыв высоко вверх, полетел в сторону, к Эльбрусу. В этот момент у Артема было только одно желание – вывести меня из состояния испуга.

Он видел, что я так испугался, что даже забыл заплакать, хотя бечевка до крови разрезала мне правую руку. Он шутил, строил смешные рожицы, показывал мне, как я вдруг полетел, и все это делалось так искренне, что мне тоже стало весело, и страх сменился ощущением чего-то нового, само-

стоятельного, что я впервые испытал в свои 8 лет²¹.

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ СТАНИСЛАВСКИЙ

Прошло более 40 лет, когда впервые фотопортрет Константина Сергеевича появился у нас в квартире. За эти годы поблекла дарственная надпись, в которой Константин Сергеевич с почтением и признательностью вручил свой портрет моей матери. Но по-прежнему со стены смотрят на Вас красивые глаза на утонченном, мужественно красивом лице великого артиста. Я смотрю на портрет и вновь вспоминаю то неизгладимое впечатление, которое на меня, десятилетнего мальчугана, произвела величественная внешность К.С., когда он впервые приехал в санаторий на Крестовой горе. Я уже рассказывал, что в санатории лечилось много интересных, более того – исключительных людей науки, техники и искусства. Но с уверенностью могу сказать, что

²¹ Если в этом эпизоде Б.В. Броннер рассказывает о том же первом приезде А. Веселого в санаторий, о котором рассказывала К.И. Чуковскому Е.Б. Броннер, то он относится к лету – началу осени 1928 года. Б.В. Броннеру было в этот момент одиннадцать, а не восемь лет.

ни до этой встречи, ни по сей день я никогда не встречал такое удивительное сочетание красоты, ума и какого-то непостижимого благородства, сочетающегося с неподдельной скромностью. Конечно, все, что я сейчас сказал о К.С., не могло прийти и не пришло мне в голову в том далеком 1926 году²². Но я отчетливо помню, что, увидев выходящего из экипажа К.С., стремглав побежал к маме и, задыхаясь от волнения, сообщил, что приехал какой-то очень важный, какой-то особенный человек, такого у нас еще в санатории и не было. Помню, как мама ласково посмотрела на меня и сказала завхозу Сергею Вавилонскому, который тоже так умел себя подавать, что все называли его “графом Вавилонским”: “Это наверняка приехал Константин Сергеевич. Проводите его в отведенную ему комнату”. Я тогда еще не знал, кто такой К.С., но в моем представлении человек с такой внешностью должен был быть или бывшим князем, или уж, во всяком случае, графом. Все это я изложил немедленно всем находящимся в большой комнате канцелярии.

²² По-видимому, Б.В. Броннер ошибается: первый приезд Станиславского в санаторий ЦЕКУБУ состоялся в 1927 году (см.: Станиславский 1961).

Мама недоуменно подняла брови, ведь ей приходилось видеть и князей, и графов, и такое сравнение было ей непонятно, а ведь мне и моим сверстникам тогда казалось, что имеющие такие титулы, имели и особый вид.

Когда вечером мама меня познакомила с К.С., он улыбнулся, и я понял, что ему уже известно обо всем, что произошло днем. Улыбка была ласковая, доброжелательная, но трепет, охвативший меня еще в первый момент, когда я его увидел, не проходил. Более того, он сохранился на все те годы, когда К.С. приезжал летом в Кисловодск, и я так и не мог побороть своего смущения, когда встречался с К.С.

Мои сравнения могут показаться смешными, но и сейчас я могу утверждать, что он был не такой, как все другие, даже знаменитые люди. Для меня в детстве он был чем-то непостижимо идеальным. И это чувство я пронес через долгие годы, хотя не раз видел, что К.С. так же, как и другие умеет шутить, веселиться и быть одним из многих. Вероятно, даже в шутках он был необычным.

Помню один вечер, когда снова сдвинули столы в столовой и освободили место перед сценой. Ждали каких-то при-

езжих артистов или начала кино²³, точно не помню, но зато четко помню, как Константин Сергеевич наклонился к Василию Ивановичу Качалову, пошептал ему что-то, и оба они заулыбались и, как заговорщики, отошли в сторонку. Через минуту они уже вернулись, и все стоявшие и сидевшие рядом увидели поистине потрясающее, оригинальное зрелище. На столе появилась сжатая в кулак рука Константина Сергеевича и сжатая в кулак рука Василия Ивановича. Но это были не просто сжатые в кулак руки. Носовые платки были завязаны, как косынки, а на сжатых пальцах были нарисованы глаза и рот. Я не помню, о чем 'говорили' эти две деревенские девушки – две сжатые в кулак человеческие руки. Все мое внимание было приковано к пальцам, строящим уморительные рожицы, поджимающим губы, косящим глаза то в одну, то в другую сторону. Уже взрослым я не раз видел, какие чудеса творит с круглым шариком, одетым на палец, Сергей Образцов. Но пусть простит меня очень любимый мною замеча-

²³ В санатории ЦЕКУБУ регулярно проводились лекции, концерты, экскурсии. См. составленный Е.Б. Броннер список мероприятий лета 1925–1926 гг. в: Санаторий 2012: 54–62.

тельный кукольник, но то, что выделяли Василий Иванович и особенно Константин Сергеевич со своими разрисованными кулаками, было просто фантастическим зрелищем.

И вот шумные аплодисменты сотрясают окна маленькой столовой и продолжаются до тех пор, пока два замечательных артиста не встают и не начинают раскланиваться. Но видели бы вы, как скромно и с каким достоинством поклонился Константин Сергеевич. В этот момент я был уверен, что мама ошиблась, и он наверняка бывший князь или уж во всяком случае граф.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КАЧАЛОВ

Столовая размещалась в специально построенном одноэтажном светлом помещении, заканчивающимся маленькой сценой²⁴. И если вечером столы сдвигали к противоположной от сцены стороне, все в санатории знали, что имеет смысл даже прервать чудес-

²⁴ Столовая санатория площадью 150 кв. м. была построена в 1926 году и одновременно выполняла функцию клуба (Санаторий 2012: 63). Следовательно, описываемые в этом очерке события относятся не ранее, чем к 1926 году.

ные вечерние гуляния по Крестовой горе. В каждый заезд, а именно так называли в санатории смену уезжающих новой партией страждущих получить свою порцию нарзанных ванн, всегда находилась группа инициативных людей, помогающих администрации санатория развлекать публику не только кино или выступлениями бригад синей блузы, но и встречей с артистами и писателями, которые в это время жили в санатории²⁵.

²⁵ М.В. Нечкина недовольно сообщала мужу в письмах о том, что жившие в санатории артисты довольно агрессивно отказывались от предложения принять участие в концерте для местной публики (“В День кооперации пришли они и от сельсовета с предложением устроить в помещении ЦЕКУБУ на большой террасе маленький вечер... отдыхающих цекубистов просили устроить маленький концерт, ведь у нас тут Нежданова, Голованов, Миронов и куча других артистов. Что поднялось, что сделалось, боже ты мой! И кодекс законов о труде вспомнили, что они де отдыхают, и карачаевцы де блох принесут, и лужайку вытопчут, и пыльно будет и еще что, прямо не вспомню. Музыкант один гордо публично заявил: ‘Ни перед пионерами, ни перед царствующей фамилией играть не буду!’” [Нечкина 2006]), однако, судя по воспоминаниям Б.В. Броннера и сохранившихся в архиве санатория программам концертов, лекций и выступлений, эпизод лета 1927 года был, скорее, исключением из правила. Так, в отчете об одном из концертов лета 1925 года Е.Б. Броннер пи-

И вот в один из таких вечеров, который мы сейчас назвали бы вечером самодеятельности, в паузе между выступлениями, встал Василий Иванович Качалов и сказал: “А я прямо с места вам коротенький анекдот расскажу”.

В санатории всегда было много людей, имевших большое имя в нашей стране. Да и официальное звание – заслуженный артист республики²⁶ – не могло выделить Василия Ивановича среди других обитателей санатория. Но его личное обаяние было так велико, что все, связанное с Василием Ивановичем, приобретало особую окраску. Даже сама директорша санатория не могла устоять перед чарами этого замечательного артиста,

шет: “6-го июля концерт, устроенный артистами Большого и Малого Московских Академических театров и Художественного театра. Участвовали артисты – Вишневский, Крейн, Андреев, Богданович, Трезвинский и артистки Н.А. Смирнова и Е.Ф. Цертелева. Собралось около 400 человек. Аудитория состояла из больных санатория ЦЕКУБУ, врачей бальнеологических учреждений и служащих этих учреждений, врачей санаторий Цустрада-Главкурупра, Поликлиники, представителей Союзов работников в банке, на телефоне, в библиотеках и небольшого количества рабочих ближайшего санатория Цустрада” (Санаторий 2012: 56).

²⁶ Это звание В.И. Качалов получил в сентябре 1924 года.

и всем было известно, что в пузырьке с лекарствами, стоявшем на его столе в общей столовой, на самом деле всегда был коньяк. И хотя бутылочка была маленькая, но сам факт такой важности был для этого санатория событием исключительным, о котором знали даже мы – дети.

Поэтому нет ничего удивительного, что в наступившей тишине, при всеобщем внимании, четко было слышно каждое слово, сказанное Василием Ивановичем.

Я должен полностью пересказать этот анекдот, ибо без этого читатель не сможет понять реакции той чопорной публики, которая заполнила маленькую столовую.

Спокойное лицо Василия Ивановича, пластичные движения его красивых рук, – ничто не предвещало необычного. Ведь он не раз выступал, но всегда очень коротко. Вот и сейчас все пытались не пропустить ни одного сказанного им слова, ни одного жеста.

“По пыльной степной дороге мчался автомобиль, – начал Василий Иванович. – Жара была нестерпимая. Прямо на дороге в пыли купались курицы. И вот над одной из них промчался автомобиль, и уже через мгновение она оказалась отброшенной в кювет. Курица

долго лежала, но наконец встала, отряхнулась и сказала – тут Василий Иванович сделал паузу, снял пенсне, закатил глаза и закончил: ‘Вот это петух!’”.

Наступила гробовая тишина. Почтенные академики и их жены, профессура и другие важные завсегдатаи вечерних сборищ в столовой, были явно шокированы. Но анекдот был рассказан так по-качаловски замечательно, что удивление сменилось улыбками, раздался сперва один, потом второй короткий смешок, и вдруг все громко начали хохотать. Из-за закрытой занавески появились удивленные физиономии находившихся там артистов, которые не слышали короткого слова Качалова, и им было непостижимо, что могло привести к такому бурному веселью такое почтенное общество.

СЕРГЕЙ МИГАЙ

Дорога круто пошла вниз. “Проклятое место, – сказал возник. Придется лошадей выпрягать, а у линейки закрепить два задних колеса и пусть юзом спускается не по дороге, а прямо вниз по траве”. Сказано это было тоном, когда спор и советы смысла не имеют. Отец мой показал пример

дисциплинированности и первый зашагал осторожно вниз по косогору. Дядя Сережа (так я тогда звал Мигая) хитровато подмигнул мне, и мы тоже вприпрыжку стали догонять нашего командора. Путь был немалый – из Кисловодска в Теберду²⁷, через горы. Ранним летним утром в этот путь отправились мой отец с Мигаем и, конечно, поехал я, ибо был непременно участником всех экскурсий, походов и даже таких длительных путешествий, как то, о котором будет идти данное повествование. Сейчас по шоссе из Кисловодска в Теберду на автомашине всего несколько часов езды. А тогда даже напрямик через горы мы

²⁷ Теберда находится в 140 километрах от Кисловодска по автомобильной магистрали. Это одно из самых любимых мест В.М. Броннера на Кавказе. Согласно информации, размещенной в опубликованном В.М. Броннером в 1934 г. путеводителе *Теберда*, “в Теберду можно также проехать из Кисловодска через ущелье р. Мары, правого притока р. Кубани, и г. Микоян-Шахар. Расстояние приблизительно 96 км, его можно проехать на линейке в полтора дня. Этот вариант дороги в Теберду менее удобен, но зато более интересен и живописен, так как знакомит с районом Кавказских Минеральных Вод и проходит до красивому горному ущелью р. Мары”.

ехали двое суток. Причем линейка – это не обычная телега, а специально сделанная для прогулок, и везут ее две хорошо откормленные, сильные лошади.

Дядя Сережа спускался с горы большими шагами и весело насвистывал незнакомый для меня мотив. Я прыгал около него и никак не мог понять, что это он насвистывает. Он частенько любил напеть или просвистеть мелодию и устроить мне экзамен – из какой это оперы. Я отлично знал, что он – знаменитый оперный баритон, и, от души любя его, очень старался быть внимательным и отгадать автора и название оперы. Удавалось это мне нечасто, но когда я угадывал, то в награду получал ласковый подзатыльник, и на веселом открытом лице дяди Сережи блестили два ряда белых ровных зубов. Он был явно доволен. Четко помню, что в тот момент, когда я решился спросить, что он насвистывает, сверху раздался резкий крик – “берегись!”. Мы все повернулись и увидели, что к нам, неуклюже переворачиваясь с боку на бок, скатывается наша линейка, а на горе, держа лошадей, стоит наш возник и непрерывно кричит – “берегись, берегись!”.

Впоследствии мы узнали, что уже в самом начале скольжения вниз лопнула веревка, крепившая правое заднее колесо, и линейка стала не сползать, а кувыркаться боком. Убедиться, что телега летит не на нас, было дело секундным, а затем я буквально устался на дядю Сережу, ибо всегда веселое его лицо выражало такое страдание, что мне стало страшно. Я схватил его за руку, стал трясти и непрерывно спрашивал: “Что с Вами, что с Вами?”

Сперва я не слышал, что шепчут его губы, но потом услышал и ничего не понял. Он стоял, устремив взор на падающую линейку и повторял одни и те же слова – “мои помидоры, мои помидоры, мои помидоры”. И только когда он несколько раз повторил эти слова, а потом сорвался с места и крупными шагами пошел к лежавшей внизу телеге, я вспомнил один из разговоров, предшествовавших нашей поездке.

За несколько дней до отъезда папа, я и дядя Сережа сидели на веранде дома, где жила вся наша семья, и обсуждали план поездки. Когда речь дошла до еды, которую следует взять с собой, то, учитывая плохую дорогу и наличие большого количества родников, решили

никакой минеральной воды не брать, но дядя Сережа настаивал взять ящик помидор, ибо, заявил он, без минеральной воды и помидоров он не может выдержать такое длинное путешествие. Отец мой пытался уговорить его, что это громоздкий и неудобный для перевоза продукт, а на линейке места мало, а брать с собой вещей надо много, но дядя Сережа был неумолим.

Перед отъездом я был предупрежден, что в ящике, приколоченном к концу линейки, помидоры, и следует об этом помнить и чего доброго не сесть на него.

И вот в первый же день путешествия такая авария! Когда я подбежал к телеге, дядя Сережа быстро отвязывал ящик с помидорами, а отец осматривал линейку и остальные вещи.

Я видел, что некоторые из наших вещей упали во время непредвиденного кувыркания линейки, и побежал их собирать. А когда вернулся, то застал поистине смешную и грустную картину.

Знаменитый артист стоял над открытым ящиком с превращенными в кашу помидорами и горестно вздыхал. Рядом стоял не менее огорченный мой отец, держа в своей руке большую руку дяди Сережи, и

успокаивающе пожимал ее. Вероятно, мое лицо выражало такое недоумение горю этих серьезных взрослых людей, что, взглянув на меня, они сперва улыбнулись, а потом начали громко смеяться и, присев на корточки, перевернули открытый ящик, высыпав его содержимое на траву. В это время спустился с лошадыми наш возчик и стал объяснять отцу причину несчастья. Дядя Сережа в это время выискивал целые или почти что целые помидоры и каждую находку сопровождал возгласом “ура!”.

Мигай жил в Ленинграде и пел в Мариинском театре, но когда он приезжал на гастроли в Москву, он всегда присылал нам домой билеты в Большой театр, и я слышал в его исполнении партии Демона и Онегина и, естественно, боготворил этого замечательного певца. (Фото 4).

Он для меня был как бы человеком из неведомого для меня мира. И вдруг явное человеческое горе около каких-то помидоров, которые я и в рот не брал. Вероятно, все это и прочли на моем лице Мигай и отец. А я, не успев опомниться от первого ощущения, оказался в не менее сложном положении, увидев, как быстро взрослые могут переходить от

одного состояния к другому. На всем протяжении нашей длинной увлекательной поездки, а мы доехали до Домбайской поляны, я все время ждал, что дядя Сережа обрушит свой гнев на возчика, ибо уже на последнем привале перед Тебердой было покончено с остатком помидоров, но ничего подобного не было. Ни разу больше он не поднимал разговора о помидорах, и если сам возчик начинал себя казнить за случившееся, то дядя Сережа немедленно переводил разговор на другую тему, начиная рассказывать одну из смешных историй, связанных с его артистической деятельностью, и вместе с нами смеялся над рассказанным. Это был замечательный пример скромности и чуткости. Помоему, с этим согласитесь и Вы – мои дорогие читатели.

ГЛИЭР

Когда я решил написать о Глиэре, то в памяти стали восстанавливаться не только дни, проведенные мною на маленькой сцене санаторного клуба, где стояло пианино, за которым в дни отсутствия нарзанных ванн работал Композитор. Если уж рассказывать все честно, то прежде всего вспомнил я тот день, когда с

мамой и сестрой был на балете *Красный Мак*.

С самого утра все было необычным. В те далекие годы считалось вполне закономерным, что если ты живешь посередине улицы Арбат²⁸, то ходишь в школу на улицу Фрунзе²⁹ и при этом пересекаешь шумную Арбатскую площадь. Но такая 'закономерность' имела и свой точный маршрут движения, проложенный и строго определенный родителями. И я, и сестра, которая училась в той же школе, обязаны были, переходя Арбатскую площадь, сразу держать путь на здание Реввоенсовета на углу улицы

²⁸ Семья Броннеров жила по адресу: ул. Арбат, д. 30, кв. 18, в доме, в котором и тогда, и сейчас располагается знаменитый зоомагазин, упомянутый в песне Б. Окуджавы.

²⁹ Ул. Фрунзе – ныне Знаменка. Школа, в которой учился Б.В. Броннер, располагалась в здании исторической усадьбы Апраксиных-Бутурлиных, где сейчас находится музыкальная школа им. Гнесиных (ул. Знаменка, д. 9/12). До революции в этом здании располагалась частная гимназия Кирпичниковой, с совместным обучением мальчиков и девочек: до революции школа славилась высоким уровнем преподавания, школьным театром и т.д. После революции школа стала опытной трудовой, однако сохранила многие свои дореволюционные традиции.

Фрунзе³⁰. И строго запрещалось сокращать путь и пересекать шумный Арбатский рынок³¹. Но в этот день я шел в школу с намерением сказать моему 'божеству' все. План был продуман еще накануне вечером. Нужно было достать несколько еловых веточек. Для этого самое простое – пройти через рынок. Так все и было сделано. В школьном дворе я появился задолго до звонка, в ранце лежали веточки елки. Когда появилось мое 'божество', как всегда, в голфах с открытыми коленками, то месяцами затаенное признание в 'вечной' преданности вылилось в бурное признание. Елочки, зажатые в правую руку, начали хлестать по голым коленкам удивленное и явно испугавшееся 'божество'.

О, необычайный день первого признания в любви! Он закончился не менее замечательно, чем начался. Вечером мы всей семьей пошли на

³⁰ Здание Реввоенсовета располагалось на углу ул. Фрунзе (ныне – Знаменки), в д. 19–21.

³¹ Арбатский рынок находился на Арбатской площади, позади того места, где сейчас располагается вход в м. Арбатская Филевской линии. В 1932 году для рынка было построено специальное здание, в 1934-м его укоротили для строительства павильона метро.

*Красный мак*³². Тогда в Москве много говорили об этом новом балете Глиэра, а в нашей семье такие разговоры всегда заканчивались подшучиванием над моей персоной, ибо родителям было хорошо известно, каким преданным помощником, как говорил Глиэр, был у него Борис, мужественно просиживавший в кресле на сцене санатория долгие часы и дожидавшийся перерыва в работе. Тогда Глиэр говорил одну и ту же фразу – “Ну-с, молодой человек, сразимся!”. А началось это буквально в первый день приезда Глиэра в санаторий. Перед обедом очень любимый мною старенький Чаплыгин³³ (только

³² Работу над своим самым известным балетом *Красный мак* Глиэр производил, очевидно, в 1925–26 годах, к которым мы можем приурочить кисловодскую часть соответствующей главы *Седьмого позвонка*. Описываемое первое признание в любви, как и премьера балета, состоялось в 1927-м. Из отчета Е.Б. Броннер мы знаем, что Глиэр точно отдыхал в санатории летом 1925 года (“16-го августа концерт с участием артистов Яблочкиной, Глиера, Книжниковой, Рудаковой и скрипача NN” (Санаторий 2012: 59).

³³ Сергей Алексеевич Чаплыгин (1869-1942), основоположник электромеханики, с 1918 г. был привлечен Н. Жуковским к организации Центрального аэрогидродинамического института, а в 1921–1930-м был председателем коллегии, а в 1928–30 – директором-начальником ЦАГИ.

через много лет я узнал о роли Чаплыгина в отечественном самолетостроении), как всегда, поджав нижнюю губу к верхней, отчего усы смешно задирались вверх, опираясь подбородком о набалдашник своей извечной кисловодской спутницы – большой палки, обдумывал очередной ход. Шел нешуточный шахматный бой.

Ведь форой была королева. На этот раз Чаплыгин рискнул играть без королевы и явно проигрывал. Для непосвященного это выглядело очень забавно. Маленький, черный от загара, с подстриженной под нулевку головой мальчуган и представительный старик за шахматной доской, причем расположение фигур явно свидетельствовало о печальном положении задумавшегося старца. До этого дня все игры между ‘соперниками’ проходили при явном преимуществе старшего из игроков, но форой была тура. Без туры Чаплыгин справлялся со мной довольно быстро, а вот без королевы явно справиться не мог. Подошедший Глиэр был крайне удивлен исходом сражения. И вот тогда появилась такая привычная для меня в дальнейшем фраза – “Ну-с, молодой человек, сразимся?”

Победа над Чаплыгиным была радостной, и совсем не хотелось проиграть незнакомому для меня человеку с очень приятной внешностью и добрыми глазами. Я сразу заявил: “А что вы мне дадите?” Мой новый соперник явно не понял вопроса. Он сперва полез в карманы своего чесучевого пиджака и, не найдя ничего подходящего, заявил: “А я тебя научу ноты читать. Хочешь?” Я тогда не придал значение этому обещанию и объяснил, что играю со взрослыми, если они мне дают фору. “Ах, вот почему ты ходишь победителем, – засмеялся Глиэр. – Тогда устроим завтра прикидочку, кто из нас на что способен и какую тебе следует давать фору, чтобы игра была интересной. Приходи завтра после завтрака в столовую, я буду на сцене”, – сказал Глиэр. “Ладно, – согласился я, – приду”. Вечером был устроен допрос о новом больном, впервые появившемся в нашем санатории, и мама рассказала мне то небольшое, что знала о композиторе Глиэре, который приехал не только лечиться, но и работать над новым произведением, о котором она ничего не знала. Человек, который сочиняет музыку! Это было новым и очень интересным. Завтрак

еще не кончился, и в столовой царило утреннее оживление, а я уже пробрался на сцену и залез в большое кресло, стоявшее в полутемном углу. На коленях у меня лежали шахматы. Глиэр поднялся на сцену, неся в руках большую черную папку. Он задернул занавесь. Задумчиво открыл папку и перебрал ноты. Затем сел к пианино и, наклонив голову, начал перебирать клавиши. Он не играл, нет, в этот момент он именно перебирал клавиши. Меня он даже не заметил. Большого впечатления процесс творчества на меня не произвел. Сперва было интересно, как Глиэр задумывался, потом проигрывал на пианино и, быстро вставая, подходил к столу и рисовал на нотной бумаге различные значки, как вдруг забирал ноты и ставил на пюпитр пианино и снова играл, а затем что-то снова писал, а вернее, рисовал на нотах. Но потом все это повторилось снова и снова. От нетерпения я завозился, и шахматы упали на пол. Глиэр от неожиданности резко встал, стул упал, и мое смущение было таким очевидным, что он рассмеялся и спросил: “Ну-с, молодой человек, сразимся?”

С этого дня мы частенько встречались за шахматной доской.

Я получал в фору туру и коня или офицера. Игра проходила во взаимных усилиях. Бывали дни, когда я выигрывал. Но в такие дни Глиэр играл в шахматы явно невнимательно, и мне иногда казалось, что он меня совсем не видит, да и шахматную доску видит плохо. Мама объясняла мне, что, наверное, в это время он не может отключиться от своей музыки. В такие дни я играл тихо, без болтовни. Через несколько дней после наших 'сражений' Глиэр мне сказал: "Спасибо тебе, маленький человечек, ты даже не знаешь, как ты мне помогаешь". И когда он это говорил, я понял, что до самого его отъезда буду всегда являться после завтрака на сцену и убежать к товарищам и играм только после окончания очередного 'боя'. "О, – скажет читатель, – тебе посчастливилось быть рядом с большим композитором во время долгих часов его творчества. Так расскажи о скрытой от глаз людей лаборатории творчества такого выдающегося композитора". Увы, я не могу этого сделать.

Когда начали складываться первые фразы этих воспоминаний, мне казалось настоль-

ко все памятным и ясным, что не вызывала сомнения необходимость оставить все эти воспоминания на бумаге. И действительно, я отлично помню и наши шахматные бои, и поведение Глиэра во время игры в шахматы, и наши совместные прогулки на Красные камни³⁴ и в парк. Короче говоря, я много помню того, что для меня, маленького мальчика, было главным. И в моей памяти Глиэр – это очень добрый, более того – ласковый пожилой человек. Вероятно, находясь в санатории, он считал необходимым не очень перегружать себя работой, но даже в краткие перерывы, когда мы играли в шахматы, Глиэр был далеко, далеко в своей музыке, продолжая в этот момент порождать новые звуки.

И вот долгожданный вечер с походом в театр. Прошла увертюра, начался красочный балет. Все было прекрасно. Но когда зазвучала мелодия лихого матросского танца, и на сцене появилась группа краснофлотцев, лихо отплясывавших любимое тогда всеми

³⁴ Красные камни – часть Кисловодского парка, ряд песчаных скал, поднятых когда-то действием тектонических сил со дна древнего моря. В 1924 г. скульптор В. Ингал высек из одной из скал горельеф Ленина.

мальчишками 'яблочко', у меня от восторга и гордости даже слезы на глазах выступили. Ведь однажды во время игры Глиэр спросил меня: "Какой танец ты больше всего любишь?". И я ответил: "Яблочко". Вы скажете, читатель: "Это совпадение!". "Конечно, совпадение", – скажу я сейчас. Но тогда, в театре, мне каза-

лось, что недаром я много скучных часов провел на маленькой сцене санатория в Кисловодске. Поистине это был исключительный день, и нет ничего удивительного, что более чем через сорок лет я его отлично помню.

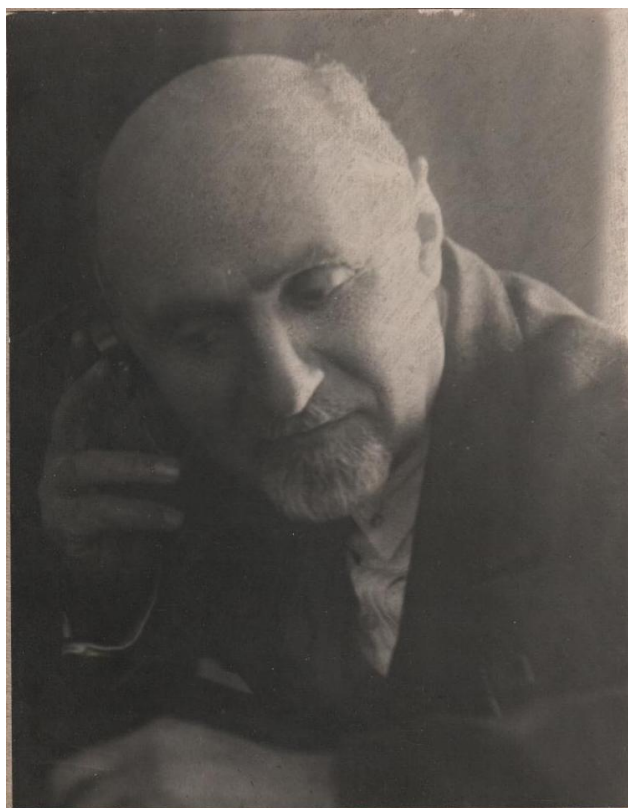

Фото 1 - Вольф Моисеевич Броннер, ок. 1926.

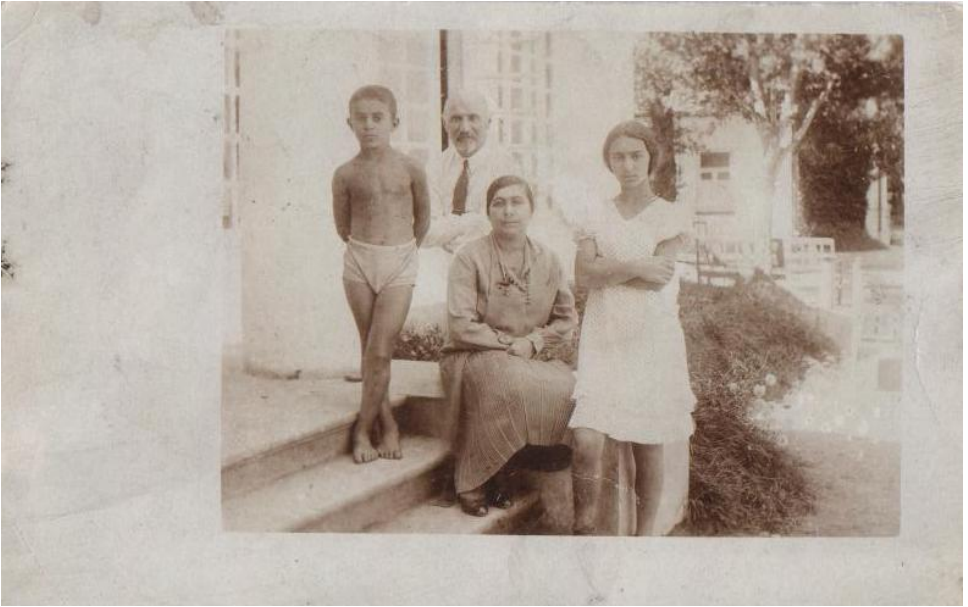

Фото 2 - Елена Броннер, Вольф Моисеевич Броннер, их дети - Нелли и Борис, Санаторий ЦЕКУБУ, Кисловодск, 1927.

Фото 3 - Елена Борисовна Броннер на даче. Начало 1960-х, пос. Кратово (Московская область).

Фото 4 - Оперный певец Сергей Мигай, академик Абрам Иоффе, дочь академика Иоффе Валентина (впоследствии - жена С.И. Мигая), Борис Броннер. Санаторий ЦЕКУБУ, ок. 1926 г.

Библиография

Аппарат ЦК КПСС – Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958-1964: Документы, РОССПЭН, М., 2005.

Балтер 1963: Б. Балтер *До свидания, мальчики!*, Советский писатель, М., 1963.

Башкуев 2013: В. Башкуев, В.М. Броннер и его вклад в оздоровление бурятского народа, «Власть», 2013, VII, с. 181–183.

Вернадский 2001: В. Вернадский, *Дневники: 1926–1934*, Наука, М., 2001., с. 59–74.

Деятели революционного движения 1931: Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От

предшественников декабристов до падения царизма, Всесоюзное общество полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1927–1934, Т. 5, вып. 1, М., 1931.

Маршак 1972: С. Маршак, *Собрание сочинений в 8 т.*, Художественная литература, т. 8, М., 1972, с. 99–100.

Нечкина 2006: М. Нечкина, *Как начинался классический советский курортный стиль: Радиопередача, подготовленная В. Тольцем и О. Эдельман* // “Радио Свобода”, 2006, 17 июня. <http://www.svoboda.org/content/transcript/161575.html>

Самойлов 2006: Д. Самойлов, *Стихотворения*, Академический проект, СПб., 2006.

Санаторий 2012: Ю. Черный, Л. Соколова, А. Горбова (сост.), *Санаторий им. А.М. Горького РАН в Кисловодске (1923–2008)*, РАН. ИИЕТ им. С. Вавилова, М., 2012.

Станиславский 1999: К. Станиславский, *Собрание сочинений. в девяти томах*, Искусство, т. 9: *Письма 1918–1938*, М., 1999.

Теберда 1934: Теберда. *Путеводитель по курорту*, Издание Дома Ученых, М., 1934.

Цукор 2007: В. Цукор *50 лет служения телеграфу* // «Электросвязь: история и современность», 2007, I, <http://housea.ru/index.php/history/50955>.

Чуковский 2006: К. Чуковский, *Дневник. 1922–1935* // К. Чуковский, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, Терра-Книжный клуб, т. 12, М., 2006.

Хабибрахманова 2008: О. Хабибрахманов, *Властные стратегии и тактики по улучшению качества жизни научной интеллигенции 1920–1930-х годов*, Казань, 2008.

Шальнев 2010: Е. Шальнев, *Организация Комиссии по улучшению быта ученых* // Л. Федосеева (ред.), *Научный вестник*, ГУМНИЦ, Пенза, 2010.

Шальнев 2011: Е. Шальнев, *Проблема денежного обеспечения научных работников советского государства в 1920–1930-х гг.*, «Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки», 2011, XXIII, с. 617–621.

Эренбург 1961: И. Эренбург, *Люди, годы, жизнь. Воспоминания*, Советский писатель, Кн. 1–3, М., 1961.

Ross 1991: B. R, *Remembering the Personal Past. Descriptions of the Personal Memory*. Oxford University Press, N.Y., 1991.